

Алена Яворская

## «Судьба морской газеты «Моряк»...»

По страницам газеты «Моряк» 1921 года

Александр Пушкин одесской главой «Евгения Онегина» выдал Одессе «грамоту на бессмертие». Константин Паустовский главами из «Времени больших ожиданий» сделал то же для одесской газеты «Моряк».

Впрочем, о «Моряке» он писал и задолго до знаменитой повести, и после ее написания.

Первый раз «Моряк упоминается в рассказе, написанном в 1921 году, – «Слава боцмана Миронова»:

«Из окон редакции газеты «Моряк» были видны желтые мачты в порту и вереница стариков, сидевших вдоль набережной с гигантскими бамбуковыми удочками.

С утра собирались в редакцию помощники с пароходов, стоявших с погашенными машинами, матросы, масленщики, портовые служащие, и начиналось густое курение табака и густое вранье. Говорили о фрахтах, восстании на «Жане Барте», рейсах, рыбе и о прочих прекрасных вещах. Редакция превращалась в клуб».

В повести «Черное море» (1935-1936) речь идет уже не о замечательной редакции-клубе, а о том, что можно было прочесть в газете и тех, кто писал для нее:

«В «Моряке» печаталось все, что имело хотя бы отдаленное отношение к морской жизни, – от истории кораблекрушений и революционной хроники заграничных портов до стихов Тристана Корбьера и рассказов Катаева.

В газете было шестьдесят сотрудников – журналистов, капитанов, писателей, масленщиков, корабельных инженеров, лоцманов, матросов, гальюнщиков и поэтов.



В редакции «Моряка»

В ней сотрудничали Бабель и Семен Юшкевич, Катаев и Шенгели, Эдуард Багрицкий и Славин, Семен Гехт и Андрей Соболев».

И один из последних текстов Паустовского о любимой им газете – приветствие газете «Моряк»: «Судьба морской газеты «Моряк» была в такой же степени бурной и интересной, как и жизнь любого из ее читателей – рядового моряка, будь он капитаном или кочегаром, штурманом или матросом. 21 ноября 1966». Эти строки Константин Георгиевич написал за два года до смерти.

Зачастую читатели воспринимают автобиографические книги Паустовского как документальные. Особенно в Одессе, и особенно «Время больших ожиданий».

С одной стороны, Паустовский во время работы над повестью действительно просматривал старые номера «Моряка» или просил об этом своего одесского друга, журналиста «Моряка» Якова Кравцова. С другой – «Время больших ожиданий» не фотографически точное отображение событий, а художественная книга.

О том, что было на самом деле, и что описано Паустовским, не раз писали. Об этом книга Ростислава Александрова (Александра Розенбойма) «Хождение внутри книги», вышедшая в 2013 году.

Писал о знаменитой повести и первый директор Одесского литературного музея Никита Брыгин. Книга «Время веры и больших надежд», чуть ли не по дням описывающая жизнь Паустовского в Одессе, издана крохотным тиражом в 2007, уже после смерти Никиты Алексеевича.

С легкой руки Паустовского создалось впечатление, что художественные тексты занимали чуть ли не большую часть воспетой им газеты.

А что же было в действительности, каким он был, «Моряк» 1921 года?

Наверное, рассказ стоит начать с нумерации газеты. Она была последовательной, начиная с первого номера, вышедшего в 1911 году.

«В течение одиннадцатого и двенадцатого годов он смог выйти только 14 раз <...> В течение 1917 и 1918 годов вышло всего 39 номеров газеты. В 1919 году «Моряк» не выходил. В 1920 вышло 9 номеров» («Моряк» № 100, 23 июня).

Поэтому первый «Моряк», вышедший 17 февраля 1921 года, был под номером 49. Выходил он три месяца на той самой цветной – розовой или красной – бумаге для табачных бандеролей. На обычной бумаге газета стала выходить с 20 мая (№ 90).

Паустовский не вполне точно указывает и тех, кто печатался в «Моряке».



Паустовский с Кравцовым в «Моряке»

Не было в 1921 публикаций С. Юшкевича и С. Гехта, Л. Славин если и публиковался, то либо под псевдонимом, либо вообще без подписи.

Но были рассказы И. Бабеля и В. Катаева, очерк А. Дерибаса, фельетон В. Регинина, стихи В. Нарбута, А. Адалис, В. Катаева, Э. Германа, Э. Багрицкого, Г. Шенгели, самого К. Паустовского, Тристана Корбьера и Жана Ришпена.

В повести изложена трагическая история про единственный – по словам Паустовского – номер «Моряка» с нестандартным лозунгом:

«Иванов предложил перед заголовком, где у всех газет стояли слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», печатать другой лозунг, совершенно морской: «Пролетарии всех морей, соединяйтесь!».

На заголовке газеты был изображен Воронцовский маяк, бросивший четыре луча света. Слова о «пролетариях всех морей» были напечатаны на этих маячных лучах на четырех языках: английском, русском, французском и немецком.

Но этот номер «Моряка» с таким удивительным лозунгом был первым и последним. Иванова вызвали в губком. Он вернулся неестественно бледный и потому красивый и приказал, заикаясь, тотчас же разбить пышное клише с морским лозунгом и заказать новое, с тем же Воронцовским маяком, лучами света, но с правильным лозунгом».

В действительности первый в 1921 (то есть 49) номер газеты вышел под политически грамотным и общепринятым лозунгом. И только с первомайского, 79 номера, на лучах Воронцовского маяка появился лозунг «о пролетариях всей морей».

Итак, № 49. На первой странице возобновленной газеты стихотворение Владимира Нарбута «Гудок стремительный – и в море...».

Гудок стремительный – и в море  
Отчаливает пароход.  
В каюте, в тесненькой каморе  
Мы прокоптились целый год!  
По кабакам, по дырам порта –

Шататься надоело нам.  
На суше быть?! Какого черта,  
Коль парус требует к волнам!  
Морского не унять повесу:  
Ему ль заказаны пути –  
Из Севастополя в Одессу,  
Из Сингапура в Джибути.  
Под ветром парус, словно вымя,  
Все туже, туже, – прет дугой.  
И над просторами живыми  
И горизонт – совсем другой.  
Сияйте, чайки! Вы, дельфины,  
Дробите хлябкий антрацит!  
Гранитов сладость, горечь хины  
Нам край иной предвозвестит.  
Отяжелеем мы от груза,  
Пропахнем зноем и смолой.  
И нас, как Робинзон Крузо,  
Все та ж волна вернет домой.  
В порту нас встретят те же краны –  
Коленчатые журавли –  
И заскрипят. И флаг багряный  
Родным повеет от земли.

Здесь же стихи-фельетон знаменитого Боцмана Якова (он же Жгут, Аника Воин, Мартын Задека, Комар, Ядов – в миру Яков Петрович Давыдов, автор гремевшей по всей стране в двадцатые годы песне «Бублички»).

«В «Моряке» было два фельетониста: бойкий одесский поэт Ядов («Боцман Яков») и прозаик Василий Регинин.

Ядов, присев на самый кончик стула в редакции, торопливо и без помарок писал свои смешные песенки. На следующий день эти песенки уже знала вся Одесса, а через месяц-два они иной раз доходили даже и до Москвы.

Ядов был по натуре человеком уступчивым и уязвимым. Жить ему было бы трудно, если бы не любовь к нему из-за его песенок всей портовой и окраинной Одессы. За эту популярность



Яков Ядов

Ядова ценили редакторы газет, директора разных кабаре и эстрадные певцы. Ядов охотно писал для них песенки буквально за гроши.

Внешне он тоже почти не отличался от портовых людей. Он всегда носил линялую синюю робу, ходил без кепки, с махоркой, насыпанной прямо в карманы широченных брюк. Только очень подвижным и грустно-веселым лицом он напоминал пожилого комического актера или, пожалуй, даже клоуна. И голос у него был тонкий, мальчишеский, несколько нарочитый, тоже клоунский.

Его любили, как Сашку-музыканта из «Гамбринуса».

Но известность Ядова не выходила за границу «Одессы-мамы», за черту Старопортофранковской улицы», – последняя фраза из журнального варианта повести, затем Паустовский ее снял.

В фельетоне «Что прибыло морем в Одессу (Турецкие Колумбы)» высмеивался набор, привезенный турками для продажи.

<...>

Спешат из Цареграда  
Проворные дубки,  
Одесса очень рада,  
Надежды велики.  
Все верю согреты,  
Поют на разный лад:  
– Везут, везут ахметы  
И чай, и шоколад.  
Немало также хламу  
Из разных там сластей,

Сукна, мадеполаму  
И прочих новостей.  
Вот лодки у причала,  
И выгружен товар.  
Одесса ожидала  
И получила в дар:  
Пять камышовых палок,  
Чтобы ходить ровней,  
Потом – для зажигалок  
Две дюжины камней,  
Три баночки шербета,  
Отличного на вкус,  
И розового цвета  
Две связки чудных бус.  
<...>

Во «Времени больших ожиданий» Паустовский отнесется к этому намного снисходительнее, и перечень товаров, использованный Ядовым как эпиграф к фельетону, вызовет совершенно иное отношение:

«На следующий день газеты с торжеством сообщили, что в порт прибыли из Турции на двух фелюгах кило камней для зажигалок, стеклянные бусы, позолоченные браслеты и бочонок маслин.

Дело было, конечно, не в кило камней для зажигалок, а в том, что море отныне стало свободным».

В рассказе «Инкубатор капитана Косоходова» (1933) «Моряк» назван «Маяком», а отставной капитан Косоходов – ответственным редактором. Примерно то же Паустовский повторит и во «Времени больших ожиданий»: «Союз моряков назначил ответственным редактором газеты капитана дальнего плавания партийца Походкина».

На самом деле редакторов у газеты было сразу три, и все они были коммунистами. На конференции водников в феврале 1921 говорили и о газете: «Ответственным редактором газеты является коллегия из трех коммунистов. На вопрос, заданный ранее во время прений, почему в коллегия вошли одни

коммунисты, – тов. Кривоходкин объяснил, что «Моряк», являющийся профессионально-производственной и культурно-просветительной газетой, рассчитанной на обслуживание всех нужд и сторон транспорта Черного, Азовского и Каспийского морей, безусловно, должен нести и политическую окраску, поэтому основной задачей коллегии является не допускать помещения в газете статей и воззваний, противоречащих советской власти». (№ 51, 22 февраля).

Из этого же номера можно узнать, на какие деньги издавался «Моряк»: «..оставшиеся после ликвидации политвода деньги перешли в распоряжение Райкомвода, <...> из этих же сумм черпаются средства на издание газеты «Моряк», рассчитанной на ежедневный выход, но недостаток бумаги заставляет временно выпускать газету всего три раза в неделю и притом в количестве только 2000 экземпляров вместо необходимых 15 000».

Здесь же и единственный подписанный автором фельетон Василия Регинина «Бумажная волокита». О Регинине Паустовский вспоминал: «Каким он был в Одессе, таким оставался и в Москве, через много лет после работы в «Моряке»: сухим, элегантным, очень быстрым в движениях, с лицом знаменитого французского киноактера Адольфа Менжу, со своей скороговоркой, шипящим смехом и зоркими и вместе с тем утомленными глазами».

## Бумажное море

«Решено повести энергичную борьбу с бумажной волокитой в советских учреждениях» (Изречение на губсъезде)

– Товарищ, я должен написать фельетон в газету Моряк. Но у меня нет бумаги. Как поступить?

– Очень просто... Напишите в соответствующее учреждение, бумагу о том, чтобы вам выдали бумагу...

– На чем?

– Да на бумаге!



– Но для этого прежде всего необходимо иметь бумагу! Иначе как же написать бумагу, чтобы выдали бумагу для написания бумаги о выдаче мне соответствующей бумаги на право получения бумаги?

– Так попробуйте исхлопотать без бумаги бумагу о выдаче вам бумаги на право получения бумаги согласно полученной бумаге...

– Но ведь в учреждении требуют, чтобы обязательно прежде всего написать бумагу о необходимости получить бумагу на право получения бумаги, ввиду отсутствия бумаги для написания подлежащей бумаги о выдаче особой бума-

ги на законное получение бумаги, согласно надписи на бумаге, выданной в ответ на бумагу с ходатайством об отпуске бумаги для написания требуемой бумаги с заявлением о выдаче бумаги...

– Значит, совершенно нельзя обойтись без этого обмена многочисленными бумагами по поводу отсутствующей бумаги...

– Нельзя, ибо в большинстве учреждений недавний еще саботаж сменил бумагомараш!

– Но ведь поэтому, вероятно, и перевелась на Советской Руси бумага...

– Не знаю, я не просматривал бумажного производства по вопросу о производстве бумаги...

– Значит, скоро и канцелярии останутся без бумаги, и – увы! – там нельзя будет получить ни одной бумаги. Как же мы проживем без бумаги, когда на каждом шагу требуется бумага?

– В некоторых канцеляриях наших уже научились обходиться без бумаги...

– Что же это за канцелярии, если там не пишут бумаги?



Василий Регинин

- Нет, как же, пишут, именно пишут...
- Так ведь нет бумаги. На чем же они пишут?
- А вы не знаете? Приспособились! Вилами по воде пишут!
- В таком случае нужен целый ряд учреждений подчинить водному ведомству?
- Пожалуй... Предложите обменяться по этому вопросу бумагами.

Регинин

**П. С.** Фельетон в газету Моряк написан мною на клочке бумаги, оторванном от одной бумажки, полученной кем-то в ответ на бумажку о выдаче нескольких миллионов пудов бумаги, необходимых для составления каких-то бумажек в ответ на полученные бумажки...

Эх, вы Сашки-саботажки мои!  
 Напишите мне бумажки мои...  
 Выходящие-исходящие,  
 Исходящие – проходящие,  
 Проходящие – изводящие!

Р.

Оставим в стороне производственные и политические темы, которыми были заполнены три газетные страницы из четырех. Обратимся к литературной жизни.

Были в «Моряке» разные рубрики. «Письма из кубрика» – письма читателей-водников. «Шканечный журнал» или «На баке» – фельетоны Боцмана Якова и Вахтенного (похоже, того же Ядова). Боцман Яков откликнулся на горячие новости или письма читателей, фельетон появлялся в той же газете или через несколько номеров.

№ 52 за 24 февраля. В «Письмах из кубрика» отчаянное письмо отца больного ребенка «Неужели иначе нельзя?» с описанием мытарств в попытке вызвать врача: бюллетень неправильно написан, не указана потребность в ушном враче, врач не пришел, не его район, врач может явиться только через три дня.

«...Ребенок метался в жару, и пришлось выискивать жалкие остатки домашнего скарба, продать его и пригласить частного врача за плату, так как врач облкасы тоже не может явиться раньше 3-4 дней, как мне заявили. Умоляю кого следует и кто может оказать давление, чтобы врач был прислан, так как и второй ребенок сегодня заболел, а продать у меня больше нечего, чтобы платить частному врачу за визиты. Член Союза Ратковский».

И рядом же в «Шканечном журнале» фельетон «Не смей болеть!» описывает актуальную и по сей день ситуацию:

Много нынче всякой хвори  
Лезет через край,  
Много тифа, оспы, кори, –  
Словом, выбирай.  
Понемногу все болеем,  
Тихо, между дел:  
Как-никак, а мы имеем  
Водный здравотдел.  
Он горяч, как папироса,  
Лечит не шутя.  
Заболело у матроса  
Как-то раз дитя.  
Ну-с, отец, исполнен прыти,  
Лезет сгоряча:  
– Ради Господа, пришлите  
Вы ко мне врача.  
Отвечают в результате:  
– Что ж, врачу не лень...  
С приложением печати  
Нужен бюллетень.  
И отец угрюмо пишет,  
Бюллетень готов.  
А ребенок еле дышит,  
Крепко нездоров...  
День прошел... Отец в печали...  
Но ответ простой:  
– В бюллетень вы не вписали

Точку с запятой.  
День еще промчался бурный,  
И ответ был скор:  
– Извините, но дежурный  
Доктор – акушер.  
А больной ваш не рожает,  
Он еще дитя...  
Пусть немного пострадает,  
Вылечим шутя...  
Но больной нетерпеливый  
И болезнь глупа...  
И папаша сиротливый  
Пригласил... попа...  
Поп принес свое кадило,  
Спел «за упокой»...  
В это время очень мило  
Заболел другой.  
Наш папаша еле дышит,  
Ходит, словно тень.  
В здравотделе снова пишет  
Точный бюллетень.  
Вновь взъерошен, как мочала,  
Бегает с утра...  
Словом, сказочку с начала  
Начинать пора.  
Здравотдел проворен в деле,  
Но вопрос таков:  
Много ль в нашем здравотделе  
Есть гробовщиков?

Печальна картина, описанная безымянным журналистом  
26 февраля:

«Война и революция мало-помалу превратили Одессу в «мерт-  
вый город».

Его душа, его порт замер, застыл, обледенел. Тихо, как на клад-  
бище, в одесской гавани, еще недавно полной жизни, нервной, кипучей, судорожной жизни большого международного порта. <...>

Одесский порт, в общем и целом, представляет ныне «мерзость запустения», безжизненное нагромождение камня, железа и дерева. Изредка загудит сирена. И вновь пустота и молчание. Проскочат случайно два-три парусника либо парохода, раз в несколько месяцев». (№ 53, 26 февраля).

Правда, название заметка носит оптимистическое – «Одесса оживает», и предсказывается в ней скорое возрождение порта и города.

В морской газете и псевдонимы морские. Самый знаменитый, разумеется, Боцман Яков или Вахтенный. А кроме него есть Водник, Варяг, Мореходец и Марсовой.

Наиболее ярко Паустовский пишет о двух фельетонах Боцмана Якова, посвящая им отдельные главы – «Рубка мебели» и «Мнимая смерть художника Костанди».

Технический редактор «Моряка» Евгений Иванов действительно лютой зимой 1921 года распорядился разрубить на дрова комод.

«...Тогда Иванов приказал притащить из подвала особняка огромный, как готический собор, буфет из черного дуба и разрубить его на дрова.

<...> Вдохновенный, бледный от гнева, Иванов командовал стремительной рубкой мебели.

Он был разъярен тем, что непосредственный хозяин газеты – Одесский районный комитет водников – не позаботился о топливе для редакции. Иванов шел напропалую и играл ва-банк.

<...> Райкомвод вынес Иванову строгий выговор с требованием, чтобы этот выговор был обязательно опубликован в очередном номере «Моряка».

У нас в «Моряке» работал под псевдонимом Боцман Яков одесский сатирический поэт-фельетонист Ядов.

Иванов заказал Ядову фельетон о рубке мебели, поместил его в очередном номере, а постановление райкомвода напечатал петитом в виде эпиграфа к этому фельетону».

Действительно, 1 марта в 54 номере газеты члены Райкомвода могли любоваться выговором, честно напечатанным в «Шканечном журнале»:

## Жертва долга

Слушали: о рубке мебели на топливо  
в редакции газеты «Моряк»

Постановили: выразить техническому редактору газеты  
порицание путем печати.

(Выписка из протокола объединенного заседания пленума Одесского  
райкомвода Всер. союза раб. водн. транспорта от 25 февраля с. г.)

Сидел он, жертва Райкомвода,  
Главу запрятав между плеч,  
И клочья мертвого комода  
Бросал в дымящуюся печь.  
Шептал: – Я чист, как Пенелопа,  
Тебя на смерть сам бросил я.  
И пусть на совести Главтопа  
Отныне будет смерть твоя.  
Ты был рожден для службы барской, –  
Но уж такой судьбы подвох,  
Что для печати пролетарской  
Последний отдаешь ты вздох.  
Печать в стране – могучий фактор,  
Блюсти ее – мой долг прямой.  
Не допущу я как редактор,  
Чтоб замерзал сотрудник мой.  
И пусть сгорит среди общих песен  
Твоя последняя доска,  
Зато – да будет интересен  
И полон номер «Моряка».  
Я не боюсь суда и штрафа,  
Пускай гремит сам Совнархоз,  
Не пожалею стульев, шкафа,  
Коль «Моряку» грозит мороз.  
Пусть страшен грохот революций,  
Но дорог мой сотрудник мне, –  
Коль надо – как Сцевола Муций

Сожгу я руку на огне...  
Так он твердил... Но так некстати  
Он был сражен и пал в борьбе...  
О, бедный друг, грозят в печати  
Вдруг порицанием тебе...  
О, техноред, не пожалевший  
Себя! О, жертва непогод!..  
– Смотри! Печально уцелевший,  
Взирает на тебя комод!..  
Ужели он – второй по счету...  
Ужель умрет и сей комод...  
– О нет, я потерял охоту, –  
Редактор молвил – пусть живет...  
И бросил взгляд он быстрым оком  
На блеск комода своего...  
И на челе его высоком  
Не отразилось ничего.

Вахтенный

В 55 номере за 3 марта напечатаны стихи Аделины Адалис, которую называли «музой Черного моря». Кстати, единственная публикация стихов женщины в морской газете – суеверия живучи, знаете ли, даже при партийном руководстве. И что примечательно – авторы-мужчины обязательно писали о море, на худой конец – о маяке или порте. В стихах Адалис единственное, что хоть как-то связано с морской темой, – упоминание скумбрии-макрели.

### О странствиях (Отрывок из поэмы)

Не назову эпохою утрат  
Эпоху медленных приобретений,  
Не помышляю о ночных вокзалах  
В уныньи постоянного двора.

Наполнив маслом маленькую плошку  
Украшенную копотью и желчью,  
Хозяйка ущемляет фитилек,  
И рады все от сумрачной затеи.  
Еще недавно в гордости пустой  
Я скумбрию макрелью называла,  
Кишмиш изюмом, а изюм коринкой,  
И о Коринфе думала притом.  
Теперь не то. За ужином случайным  
Склоняю слух к мужицким причитаньям  
И радуюсь надломленному хлебу.  
И удивляюсь крепости отвара  
Ячменного, не помня о вине.  
За трудные ночевки в колымаге,  
За тягостные скрипы и ознобы,  
За скромный пламень горькой папиросы,  
За брань возниц, за звездные щедроты,  
Благодарю виновников разумных  
Народных бед, лишений и надежд...  
Тугая школа – нынешние годы  
Для слабых душ. Кровавою похлебкой  
Нас закаляют. Ключевую воду  
Не разрешают разбавлять вином.  
Горелый хлеб помалу получая,  
Мы привыкаем изучать любовно  
И проверять его жестокий вкус.  
Суровый нрав настойчивых вождей  
Для нас пример. И в очередях долгих  
За скудной пищей, в медленной работе,  
В спокойном лицезрении лишений  
Мы постигаем трудную науку –  
Повиноваться и повелевать.

В № 56 за 5 марта впервые публикуют стихи Багрицкого –  
«Здесь гулок шаг... В пакагузах пустых...».

Первая страница № 58 за 10 марта посвящена памяти Т. Шев-  
ченко.



Читатели «Моряка» интересуются не только морскими темами и фельетонами. В газете появляется рубрика «Культура и искусство».

Впрочем, и помимо этой рубрики моряки переживают, например, о судьбе реквизированного рояля: «...напрасно было бы думать, что прекрасный инструмент находится без употребления. Он очень пришелся кстати как складочное место для кирпичей и всякого рода мусора. А может быть, это новое средство предохранения инструмента от порчи? <...> Не лучше ли было бы дать этому роялю простоять еще полгода в чистой квартире, хотя бы и для «семейного пользования» пролетариев» (№ 58, 10 марта).

Что поражает – большое количество заметок о жизни русской эмиграции, в основном в разделе «Культура и искусство». Причем заметки не разоблачают гневно белых эмигрантов, а гордо сообщают об успехах бывших соотечественников:

«Русское искусство в Париже. «Московские известия» сообщают – в большинстве парижских концертов исполняется только русская музыка Бородина, Римского-Корсакова, Стравинского. Русские писатели также выступают на сцену. Куприн, Бунин, Юшкевич, Ал. Толстой, Мережковский читают свои произведения с эстрады наряду с лекциями Родичева и других «бывших



Аделина Адалис

депутатов». Выставки полны произведениями русских художников – Бенуа, Судейкина, Бакста. В целом ряде художественных магазинов Парижа продаются работы исключительно русских художников. Русский балет вызывает бурные восторги французов» (№ 60, 15 марта).

«О выставке художника Нилуса. В Вене имеет большой успех небольшая выставка картин одесского художника П.А. Нилуса. В первую же неделю на выставке было продано на 200 000 крон картин художника. Австрийская печать отзывалась о выставке с большой похвалой.

Национальные выставки. В Париже открылся в течение этого лета целый ряд национальных выставок. <...>

15 июня была открыта выставка русского искусства. Она совпала с сезоном русских балетов и с временем выхода в свет новых прекрасных художественных изданий. На выставке много новых работ Бакста, Судейкина, Яковлева, Шухаева, Григорьева, Сорина и других. На выставке будут также и картины, пропитанные духом XV-XVII веков, воссоздающие быт и пейзаж Древней Руси Д.Р. Гелецкого, Н.К. Рериха (15 полотен) и других художников» (№ 123, 7 сентября).

Забавные наблюдения – уже год как есть советская власть, но слово «Бог» зачастую пишется с большой буквы, уже активно борются с религией, но опродкомгуб выдает пасхальные пайки:

«В связи с приближением Пасхи Наркомпрод сделал распоряжение всем опродкомгубам Украины немедленно приступить к заготовке особого пасхального продуктового фонда. В этот фонд должны входить пшеничная мука и различные копчености» (№ 64, 26 марта). В 1921 Пасха совпала с праздником 1 Мая, но пайки были именно пасхальные, а не первомайские.

В конце марта в Одессе разразился скандал – газета «Известия» «заживо» похоронила художника Костанди. В журнальном варианте повести Паустовский ярко описал реакцию «покойного»:

«...днем в редакцию «Известий» ворвался разъяренный Костанди. Он долго не мог выговорить ни слова: от негодования он лишился дара речи и последних сил. Но сил ему, правда, хватило на то, чтобы в течение полчаса молча бить своей тяжелой суч-

коватой палкой по комплектам старых газет, сваленных на стол в кабинете редактора.

Костанди был родом грек и отличался вспыльчивостью.

Говорили, что от избиения старых комплектов поднялась такая пыль, что она реяла вместе со старой бумагой в редакции до самого вечера».

В следующих изданиях этот текст был снят по просьбе дочерей художника, недовольных описанием вспыльчивого старца.

А вот фельетон Боцмана Якова «Чудо в решете» одеситы, имеющие счастье держать в руках «Моряк», прочли 29 марта в № 65:



Кириак Костанди

*Известия Одесск. губисполкома заживо напечатали некролог здравствующего художника К.*

Быть может, очень скучно  
Или грустя слегка,  
Но все ж благополучно  
Живет художник К.  
Простор давая чувству,  
Талантом весь согрет,  
Любимому искусству  
Он служит много лет.  
И жил он, поживая,  
Как все живем мы... Но  
Загадка роковая  
Висит над ним давно.  
Без боли и без муки

Шутя нарушил он  
Все правила науки  
И божеский закон.  
Узнал он эту тайну,  
Взглянувши вечерком  
В лежащую газету  
Случайно за чайком.  
Дрожит газетный номер  
У бедного в руках:  
Ведь он не жив, а умер,  
Ведь он лишь жалкий прах.  
Белей, чем белый полог,  
Послав укор судьбе,  
Читает он некролог,  
Некролог... о себе...  
А хроникер-безбожник  
Разит из уголка:  
– Почил навек художник,  
Талантливейший К.  
Покойник... Ах, разбойник!..  
Какой, увы, скандал...  
Хотя он и покойник,  
Но сам того не знал.  
Теперь несчастный хочет  
Исправить сей урон –  
И, бедный, сам хлопочет  
По части похорон.  
С вспотевшими боками  
Без усталости ведет  
Он торг с гробовщиками  
И сам попа зовет.  
Тяжка работа эта,  
Но надобно кончать:  
Не может же газета  
Неправду написать!?  
Насчет сего в Одессе,  
Поверьте, благодать!..

И кто тут жив – лишь прессе  
Дано всю правду знать.  
Смотри в газетный номер,  
И если что – смирись!..  
Коль сказано – ты умер,  
Скорее в гроб ложись.

Почему посчастливилось держать в руках? Тираж был маленьким, вопреки утверждениям Паустовского, газету не продавали, а выдавали – по две на судно или на ячейку. В каждом номере было сообщение: «В связи с недостатком бумаги газета печатается в крайне ограниченном количестве, поэтому экспедицией отпуска газет отдельным лицам вовсе не производит и таковые должны обращаться в экспедицию Райкультвода (Одесса, Гоголя, 5)». Но кому в Одессе это мешало? И особо интересные номера доставали правдами и неправдами как моряки, так и сухопутные жители Одессы.

Смело можно утверждать, что Боцман Яков пользовался такой же популярностью среди моряков Черного, Азовского и Каспийского морей, как тремя годами позже Зубило (Юрий Олеша) среди железнодорожников, читавших газету «Гудок». Впрочем, были у Боцмана Якова и критики, в том числе и всесильная тогда РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция). Вот как отозвался начальник РКИ по Чермонтрану и Водмилиции на фельетон «Мина Рабкринина и рана Чермонтрана»: «Отдавая должное остроумию автора этого фельетона, я все же должен заявить протест против неправильного изложения в ней фактов, тем более изложенных в такой демагогической манере».

Еще один герой «Времени больших ожиданий», «Черного моря» и одноименного рассказа – боцман Миронов, отличавшийся феноменальной памятью, – заслуживает отдельного разговора. Но все же хоть немного о нем – небольшая заметка «Где русский флот»:

«Прибывший из Нью-Йорка моряк т. Миронов, проплававший свыше 2-х лет на американских судах в водах Тихого и Атлантического океана, сообщил редакции имеющиеся у него сведения о русских судах за границей. «Садко» и «Юпитер».

Это два бывш. ропитовских парохода т. Миронов видел в порту Розарио (Южная Америка). <...> В Южной Америке они грузят хлеб для Англии. Плавают они под старым русским флагом. Русская команда почти вся осталась в Аргентине. В настоящее время команды на них смешанные». (№ 92, 2 июня).

У Паустовского:

– Пишите! Пароход «Великий князь Алексей Николаевич». Принадлежал РОПиТу. Продан фирме «Мессажери Маритим» во Францию. Переименован в «Тулузу». Приписан к порту Марсель. Регулярно ходит под французским флагом из Марселя в Геную и на Корсику. Котлы почищены. Ремонт французы сделали, конечно, слабый. Команда французская, хлипкая, но старший помощник прежний, Григорий Павлович Мостовенко.

Продолжение следует

